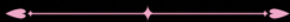

Удачный детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Будьте моей вдовой,
или Закон сохранения вранья

Галина Михайловна Куликова
Будьте моей вдовой или
Закон сохранения вранья
Серия «Изящный детектив
от Галины Куликовой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121145

Закон сохранения вранья: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-06263-7

Аннотация

Не успела Вероника стать невестой учредителя конкурса красоты, в котором она принимала участие, как жених отправил ее отдыхать в роскошный подмосковный комплекс, а сам благополучно слинял за границу. В этом доме отдыха тоже проводится конкурс. Его учредительница Нелли живет в одном коттедже с Вероникой. Но «живет» – это громко сказано, потому что... в первую же ночь она умерла, утонув в ванне! И только Вероника знает, что Нелли убили – она не спала ночью и видела много чего подозрительного. Теперь Веронику пытаются то задушить, то задавить машиной... Эх, почему не спалось ей той ночью: воистину, лучше спишь – меньше знаешь, спокойнее живешь! Узнав о покушениях на Веронику, жених высылает ей из-за границы телохранителя. Но выбирает

почему-то самого бестолкового. Так что теперь бедной красавице придется защищать себя самой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Галина Куликова

Будьте моей вдовой или Закон сохранения вранья

Глава 1

Некоторые девушки с удовольствием участвуют во всяких конкурсах на звание самой красивой, обаятельной, сообразительной и т. д. и т. п. Да что там – они просто из кожи вон лезут, только бы надеть бикини и, обвязавшись шелковой лентой, появиться на сцене, улыбаясь так, чтобы жюри были видны зубы мудрости.

Вероника Смирнова подобных устремлений не разделяла. Когда ее шеф, Лев Данилкин, напомнил, что сегодня после работы ей предстоит заполнить анкету для участия в конкурсе красоты, она сделала непреклонное лицо и заявила:

– Я не пойду.

– Но ты ведь наша жемчужина! – воскликнул возмущенный Данилкин.

Это был длинный костлявый мужчина, похожий на скелет, наряженный в костюм. Причем скелет весьма подвижный – он любил размахивать руками и по всякому поводу закатывать глаза.

– Кто вообще придумал подобную ерунду? – возмутилась Вероника. – «Мисс Прилавок», или как там это называется? Кроме того, я тут временно. Не собираюсь всю жизнь торговать искусственными цветами. Каждый день идешь на работу, как на кладбище.

– Вероника! Мы считаем тебя украшением нашего художественного салона, – льстиво сказал Данилкин. – Кроме того, не забывай: конкурс красоты – это то самое место, где сбываются мечты!

– Мне двадцать восемь лет, – напомнила Смирнова. – У меня пять килограммов лишнего веса, которые по странному стечению обстоятельств устремились в нижнюю часть туловища и, кажется, собираются остаться там навсегда. Кроме того, мои мечты никак не связаны с грядущим мероприятием.

– Знаешь, что случается с красивыми девушками, которые не делают ставки на свою внешность? – спросил Данилкин. – Так вот: они становятся некрасивыми женщинами.

– Я художник, – гордо заявила Вероника. – А истинный художник рассчитывает на то, что публика по достоинству оценит его работы, а не его физиономию. Когда-нибудь вы будете гордиться тем, что я ступала по вашему полу.

– Извини, конечно, – ехидно заметил Данилкин, – но я не думаю, что кто-нибудь когда-нибудь согласится платить деньги за изображение людей со смещенными носами и непропорциональными конечностями.

– Ха! – сказала Вероника.

– «Ха» означает, что ты не пойдешь заполнять анкету? А если я тебя пораньше отпущу?

Напарница Вероники, толстая Алевтина, состроила за спиной шефа страшную рожу и бешено закивала головой.

– М-м-м... – пробормотала Вероника, в голове которой внезапно возник замечательный план. – Только пусть Тина меня проводит. Окажет мне психологическую поддержку.

– Хорошо-хорошо, я сам останусь в зале, – подскочил Данилкин, явно возлагавший на свою сотрудницу большие надежды. Ему страсть как хотелось, чтобы его художественный салон упомянули в прессе.

Еще год назад Вероника носила джинсы с дырами на коленях и ходила с коротко стриженной встрепанной головой. Тетка Зоя уверяла, что она похожа не на художницу, а на бандитку. Когда стало ясно, что занятия искусством не приносят денег, достаточных для пропитания, Веронике пришлось наступить на горло собственной песне. Она купила себе деловой костюм, туфли на каблучке и отпустила волосы так, чтобы они укладывались в низкий пучок на затылке.

– Я меняю свой имидж, – сообщила она тетке Зое. – Буду достойной молодой женщиной. Поступлю в какое-нибудь скучное место, чтобы хватало на проездной билет, овсянку и куриные окорочка по субботам.

– Все равно у тебя ничего не получится, – возразила та. – Характер не позволит. Вот увидишь, в ближайшее время

что-нибудь случится, и ты вылетишь со своей скучной работы, как окуроч из окна.

Вероника только сверкнула на нее глазами. Глаза были огромные, задиристые и жадные до жизни. Девушке с такими глазами было, конечно, скучно служить продавщицей в художественном салоне. Зато после смены имиджа все стали обращать внимание на ее внешность.

Толстая Тина, кривя губы, чуть что, говорила ей:

– Конечно! Тебе хорошо – ты красивая!

На что Вероника сдержанно отвечала:

– На любителя.

– Надо полагать, любителем ты считаешь своего Бороздина, – фыркала Тина.

Она терпеть не могла приятеля Вероники. Во-первых, он был женат. А во-вторых, казался ей типичным слабаком, который постоянно врет и жене, и любовнице. На самом деле все обстояло иначе. Просто вранье было тем воздухом, которым дышал Бороздин. Вероятно, он находил во вранье какую-то особую романтику.

– Послушай, я тебя не просто так отпросила, – сообщила Вероника, хватая свою напарницу за локоть и проникновенно глядя ей в глаза. – Ты должна мне помочь!

– Ладно, – сказала Тина, у которой не было никакой личной жизни, отчего она охотно встревала в личную жизнь других. – Что надо сделать?

– Пойти и заполнить за меня анкету.

– Ага, – снисходительно кивнула Тина. – А ты отправишься следить за Бороздиным.

– Как ты догадалась? – сделала большие глаза Вероника. Тина пренебрежительно фыркнула:

– В течение дня ты звонила ему четыре раза и осталась страшно недовольна разговором.

– Тебе бы в разведке работать, – пробормотала Вероника. – Он сказал, что идет в ресторан окучивать каких-то клиентов. Туда можно только с женой. Кстати, вот тебе бумажка. Здесь все про меня. Где училась, адрес, паспортные данные и прочее. Остальное можешь выдумать сама.

– А что там еще будет, в этой анкете? – с подозрением спросила Тина.

– Ну, наверное, какая-нибудь лабуда типа моего отношения к животным и вклада, который я мечтаю внести в строительство новой России.

– Мне не кажется, что ты мечтаешь именно об этом, – пробормотала Тина. – А если я напишу что-нибудь не то?

– Мне все равно, – отмахнулась Вероника, которую в настоящий момент занимал только Бороздин и возможность своими глазами увидеть, с кем и куда он отправится вечером.

– Тебе надо найти настоящего парня, – заявила Тина, пряча бумажку в сумочку. – Холостяка я имею в виду.

– В моем возрасте? – воскликнула Вероника. – Невозможно! Все мужчины старше тридцати благополучно женаты.

– Некоторые разводятся.

– Разведенные выбирают восемнадцатилетних.

– Но бывают и вообще неженатые.

– Если кто не женат, значит, с ним наверняка не все в порядке.

– Что не все в порядке?

– Ну, не знаю. Может быть, он спит в носках или коллекционирует окурки знаменитых людей.

– Оригинальная теория. А зачем тебе следить за Бороздиным? – не отставала Тина. – Он же признался, что идет с женой в ресторан, где собираются все эти важные люди.

– Он разговаривал очень странным тоном, – прищурила глаз Вероника. – Здесь явно что-то не то.

– Неужели тебе больше нечем заняться? Я бы на твоём месте...

– Ты на моём месте сейчас летела бы заполнять анкету.

– Иду, иду, – пробурчала Тина. – Надеюсь, мне что-нибудь за это обломится?

– Чашка кофе и кусок шоколадного торта устроит?

– Может, авансом? – с надеждой спросила Тина.

– У нас нет времени рассиживаться в кафе. Есть сладкое будем завтра. Ну, Тина, пожалуйста!

Тяжело вздыхая, Тина двинулась к остановке троллейбуса, разглядывая адрес, указанный в пресс-релизе, который вручил Веронике Данилкин. В общем-то, никого из девушек, выдвинутых на конкурс, да и Тину тоже, не занимала мысль о том, кто и зачем его устраивает. В пресс-релизе мелким

шрифтом было напечатано: «Спонсор – фирма „Счастлиное лето“. Впрочем, там могло быть напечатано что угодно.

Через полчаса Тина оказалась на месте. Тяжело отдуваясь, она взобралась на второй этаж большого дома на проспекте Мира, где в узком коридорчике отыскала белую дверь с картонной табличкой: «Конкурс красоты». Прежде чем войти, она распылила себе за шиворот щедрую порцию дезодоранта и двумя руками пригладила волосы. Потом постучала, приоткрыла дверь и засунула в комнату голову.

За дверью обнаружилось довольно большое помещение, вмещавшее несколько письменных столов. За одним из них скучала крашеная блондинка с челкой на один глаз и синими приклеенными ногтями. У окна восседал симпатичный молодой человек, оправленный в дорогие очки, часы и ботинки.

– Вам что? – сухо спросил он, окинув Тину изумленным взглядом.

– Я... Это... Явилась заполнить анкету, – сообщила та, внося себя внутрь. – Художественный салон «Бутоньерка». Вероника Смирнова.

– Послушайте, это не тот конкурс, где девушки соревнуются в весе? – предупредил молодой человек, постучав карандашом по полированной поверхности стола.

– Если я вам не нравлюсь, – заявила Тина, – то это еще не значит, что на моей красоте можно поставить крест!

Молодой человек посмотрел на блондинку. Блондинка

сглотнула и отбросила с лица челку, чтобы видеть двумя глазами.

– Вадик, да пусть девушка заполнит анкету, – пробормотала она, явно опасаясь агрессии со стороны столь мощного противника.

В Тине был ровно центнер веса, с которым она никогда ничего не пыталась делать. Центнер был природный, наливной и упругий.

– Хм, – произнес Вадик. – Ладно, держите бланки. Вон там свободный стол. Приступайте.

– Да здесь куча вопросов! – воскликнула Тина, пролистав страницы. – Даже не знаю, справлюсь ли я.

– У вас что, проблемы с грамотностью?

Тина смерила его уничижительным взором и двинулась в указанном направлении. По дороге она спросила у блондинки:

– А как нужно отвечать на вопросы? Художественно?

Вместо блондинки откликнулся все тот же молодой человек:

– Вы должны писать правду, правду, одну только правду.

– Понятно, – пробормотала Тина, усаживаясь за стол и прицеливаясь кончиком ручки в первую строку. – Правду так правду. Надеюсь, кроме шоколадного торта, мне за это ничего не грозит.

Минут через сорок она завершила свой титанический труд и громко отодвинула стул. Донесла творение рук своих

до Вадика и царственным жестом подала ему.

– До свидания, – пресно улыбнулся тот и, заглянув в анкету, добавил: – Вероника. Надеюсь, вы потрясете конкурсное жюри.

Когда Тина спускалась по лестнице, навстречу ей попался невысокий и смуглый молодой человек. Скользнув по ней взглядом, он проследовал дальше с маленькой самоуверенной улыбкой на лице. Очутившись на втором этаже, молодой человек, не раздумывая, двинулся к двери с табличкой «Конкурс красоты». Толкнув ее, вошел и небрежно кивнул Вадиду, не обращая ровно никакого внимания на блондинку.

– Ну, как дела? Много собрал? – спросил он, останавливаясь напротив.

– Двадцать пять анкет, – отчитался тот и выложил на середину стола увесистую папку. Потом понизил голос и спросил: – Послушай, Дьяков, кому нужно все это дерьмо?

Смуглый молодой человек холодно смотрел ему в переносицу:

– А тебе какое дело, а? Получил свои бабки, делай, что приказано. Только молча.

Вадик дернул щекой, но сдержался и промолчал.

– Есть что-нибудь стоящее в смысле внешности? – спросил между тем Дьяков, забирая папку и устраивая ее на локте. – Какая-нибудь девица, которая тебя потрясла?

– Есть, – тут же ответил Вадик. – Самая верхняя анкета. Штучка по имени Вероника. Уверен, что, увидев ее в бики-

ни, председатель жюри проглотит свою вставную челюсть.

– Угу, – пробормотал Дьяков. – Понял. Ладно, тогда пока, я завтра позвоню.

Он вышел, небрежно хлопнув дверью. Вадик и блондинка с усмешкой переглянулись.

Настоящая Вероника тем временем сидела в такси неподалеку от дома Бороздина. Шофер листал журнал и зажигал сигареты одну от другой, старательно выдувая дым в открытое окно. Однако духота, стоявшая снаружи, заталкивала его обратно, и пассажирка то и дело кашляла в кулак.

Наконец Бороздин, вырванный, словно жених, вышел из подъезда на улицу. Жена помахала ему рукой из открытого окна.

– Не задерживайся! – крикнула она, свесившись вниз. – И включи мобильный.

– Ах, – сказала наблюдавшая за этой сценой Вероника. – Подлец! Заводите мотор.

– Что такое? – спросил обиженный шофер. – Чего это я вдруг подлец?

– Да это я не вам. Поехали за той машиной.

– Надеюсь, вы шутите?

– С чего бы мне шутить? – рассердилась Вероника. – Немедленно трогайтесь с места!

– Нет, дамочка, мы так не договаривались, – шофер повернулся к ней всем корпусом и нахмурил брови. – Я думал,

мы ждем второго пассажира. Прицепиться к какой-нибудь машине в конце рабочего дня! Вы в своем уме?

Автомобиль Бороздина между тем безвозвратно затерялся в потоке уличного движения.

– Ладно, замяли, едем в «Чертovo колесо», – мрачно сказала Вероника, в нетерпении ерзая на сиденье.

– Где это? – удивился шофер. – У черта на куличках? И что это? Казино, что ли?

– Господи, ресторан! Ресторан в районе Покровки.

Шофер повернул ключ в замке зажигания, обиженно ворча, что он не обязан знать все чертовы рестораны, которых понастроили по всему городу для чертовых «новых русских».

Вероника действовала наугад. Сегодняшний разговор с Бороздиным ей категорически не понравился. Его голос был каким-то слишком уж масляным. Кроме того, он ловко уходил от ответов на ее прямые вопросы и постарался побыстрее отделаться от нее, обещая позвонить завтра. Примерно так он разговаривал по телефону с женой, когда у них с Вероникой только завязались романтические отношения. Она отлично помнила, что именно в «Чертovo колесо» он возил ее весь первый месяц после знакомства. Теперь ее вела туда интуиция.

Машины Бороздина на стоянке возле ресторана не было. Вероника отпустила такси и принялась прогуливаться по тротуару, озирая окрестности. Ее сердечный друг появился

только через полчаса. Не замечая Веронику, он обежал личное средство передвижения и, распахнув дверцу, явил миру долговязую девицу с бесконечно длинными ногами.

Дымясь, словно забытая на огне сковорода, Вероника встала на пути у парочки, сложив руки на груди. Когда Бороздин увидел ее, лицо его непроизвольно вытянулось.

– Боже мой, – громко сказала долговязая девица, демонстративно обходя Веронику. – Какое бойкое место. Тут повсюду продажные женщины! – Бороздин глупо хихикнул. – Пойдем, мой дикий мустанг!

Она, не оглядываясь, двинулась вперед. Бороздин метнулся было за ней, но Вероника заступила ему дорогу, схватила за лацканы пиджака, притянула к себе поближе и незаметно, но сильно ударила коленкой в пах. Дикий мустанг издал сдавленное ржание и, согнувшись, поскакал по тротуару.

«Не могу поверить! – думала Вероника, быстро уходя прочь. – И это ничтожество я сделала своим кумиром!» Ее душа наполнилась горечью, которая поднялась к самым глазам, отчего глаза защипало. Вероника запретила себе плакать и упрямо вздернула подбородок. «Наши отношения с самого начала были нечестными, – стала убеждать она себя. – Мы вдвоем с Бороздиным обманывали его жену, теперь он с другой девицей обманывает меня. Закон сохранения вранья».

На сердце все равно было тяжело, поэтому вместо того, чтобы ехать домой и мерить шагами жилплощадь, Верони-

ка отправилась к своей тетке, которая обещала сообщить ей какую-то потрясающую новость.

– Прабабка собирается оставить тебе свою квартиру!

Это и была та самая новость, которая выскочила из Зои сразу после того, как Вероника переобулась в тапочки.

– Глупости, – отмахнулась та. – Как это тебе в голову пришло?

– Сегодня звонила ее сиделка. Сказала, что старуха хочет тебя видеть. Сказала, чтобы ты зашла к ней как можно скорее.

– Это еще ничего не значит. То, что она просила меня зайти.

– Еще как значит! Сиделка сообщила, она плохо себя чувствует в последнее время. Вызывала на дом адвокатов. Вероятно, составляла завещание. Я ни на что не рассчитываю, меня она терпеть не может.

– Она никого терпеть не может, – пробормотала Вероника.

Зоя была младшей сестрой ее матери, ей только-только исполнилось сорок лет. От первого, давно разорванного брака у нее осталось двое детей. Зоя растила их одна. Замотанная работой, воспитанием отпрысков и ведением домашнего хозяйства, она махнула на себя рукой. И лишь теперь, когда дети подросли, решила расправить крылья.

Месяц назад у нее наконец появился сердечный друг – мастер по врезанию замков. Он носил фамилию Изюмский

и очень серьезно относился к завязавшимся отношениям. Несколько раз Вероника сталкивалась с ним у тетки и, бегло поздоровавшись, торопилась ретироваться.

Изюмский был худым, жилистым мужчиной, который носил длинные волосы, стянутые в хвост шнурком для ботинок. Половину его лица занимала растительность – усы и буйная ржавая борода лопатой.

– Как ты с ним целуешься? – не удержавшись, спросила тетку как-то раз Вероника. – У тебя не возникает чувства, что ты тычешься губами в мох?

– Ах, разве дело в бороде? – отмахнулась та. – Изюмский очень хорошо относится к моим мальчикам. И он ужасно ответственный.

Пару раз Вероника видела ответственного Изюмского с авоськой картошки, которую тот тащил вверх по лестнице. Зоя была на седьмом небе от счастья. «Если я когда-нибудь докачусь до подобных радостей, – подумала Вероника, – можно считать, что жизнь прожита напрасно».

Весь этот вечер она думала об обманщице Бороздине и ни разу не вспомнила о том, что отправила подругу вместо себя заполнять длинную анкету. Разве могла она предположить, что «чистосердечные признания» Тины сыграют в ее судьбе роковую роль?

Глава 2

– Кажется, я нашел ее! – заявил Дима Дьяков, врываясь в кабинет главы фирмы «Счастливое лето» Матвея Каретникова. – То, что доктор прописал. Смотрите сами!

Жестом победителя он протянул своему боссу анкету, старательно заполненную Тиной накануне вечером.

– Даже рассчитывать не мог на такую удачу, – продолжал он ликовать. – Обычно красивые девицы хитры, расчетливы и излишне предприимчивы. Но эта – святая простота! Наив в чистом виде. Вы почитайте, почитайте!

Каретников взял листы. В отличие от своего стремительного помощника он казался воплощением спокойствия. Свои пятьдесят лет носил с большим достоинством, гордись тонким интеллигентным лицом и все еще густой шевелюрой.

– Особенно мне понравились отдельные пункты, – перегнулся через стол Дьяков. – Листайте страницы. Смотрите, вот здесь, после двадцатого.

Каретников послушно нашел нужные графы и пробежал их глазами. Уже сам почерк привлекал к себе внимание. Буквы были круглые, без наклона, с короткими бесхитростными хвостиками. На вопрос: «Ваша самая большая страсть» – Тина коротко ответила: «Драгоценности». Потом в скобках мелко приписала: «И живопись».

Порыв писать правду, правду, одну только правду борол-

ся в ней с пониманием взятой на себя ответственности. Дьяков и Каретников как раз знакомились с результатами этой борьбы.

– Дальше еще интереснее! – радостно улыбнулся Дьяков.

«Чему вы посвятите себя, если победите на конкурсе красоты?» – «Поиску мужа. (И борьбе против шуб из шкурок натуральных животных.)»

– Натуральные животные! Прелесть, прелесть! – потирал руки Дьяков, сверкая быстрыми и зоркими глазами. – Клянусь, эта девица сидит и ждет, когда за ней приедет принц на белой лошади! В голове у нее корзиночки с кремом, к тому же Вадик уверяет, что она красива, словно Клеопатра.

Предполагаемая Клеопатра не остановилась на достигнутом и в пункте 23 после слов «Ваша самая заветная мечта» начертала: «Узнать, чем закончилась „Санта-Барбара“». Строчка была замарана, и над ней надписано: „Участвовать в строительстве новой России“.

Также в анкете попадались настоящие перлы типа:

«Ваш любимый напиток?» – «Водка».

«Ваш любимый фильм?» – «Золушка».

«Что вы делаете, чтобы снять стресс?» – «Разнашиваю тесные туфли».

«Подарок, о котором вы грезите?» – «Обручальное кольцо».

«Как вы относитесь к браку по расчету?» – «С восторгом».

«Считаете ли вы, что внешность влияет на ваши жиз-

ненные обстоятельства?» – «Это они влияют на мою внешность».

«Что вы больше всего ненавидите?» – «Обезжиренные продукты».

«Что кажется вам смешным в других женщинах?» – «Кружевное белье».

«Что вы готовы отстаивать с оружием в руках?» – «Шоколадный торт». – Криво зачеркнуто и переправлено на «Мир во всем мире».

– Ну? Что вы думаете? – спросил Дьяков, плюхаясь в кресло и принимаясь вертеться в нем, точно ему было горячо сидеть. – Рискнем?

– Рискнем, – согласился Каретников. – Не зря же мы затеяли все это! – Он мотнул подбородком на папку с анкетами, которую его помощник водрузил на край стола. – Кстати, как там наш конкурс?

– А что конкурс? Конкурс пойдет своим чередом. Вы ведь его спонсировали.

– Да-да, ты последи за этим. Пусть не будет никаких эксцессов. Так где работает наша прекрасная принцесса? Как бишь ее?..

– Вероника, – подсказал Дьяков. – В художественном салоне «Бутоньерка», в одном из переулков неподалеку от ЦУМа. Там продают искусственные цветы из ткани для украшения одежды и интерьера. Вообще-то, судя по анкете, она имеет высшее образование. Может рисовать узоры для блек-

лого отечественного ситца. Или для обоев. Что-нибудь в этом роде. Однако почему-то предпочитает другой род деятельности.

– Думаю, это связано с заработной платой, – сказал умудренный жизненным опытом Каретников.

– Кроме того, – заметил Дьяков, – в художественном салоне в центре Москвы у девушки с прелестным лицом есть шанс встретить прекрасного принца. Если повезет, можно подцепить даже иностранца.

– Я должен выглядеть привлекательнее, чем иностранец! – предупредил Каретников. – Ты продумал стратегию? Как мне себя вести?

– Нужно делать вид, что вы сходите с ума от любви, вот и все. Побольше томных взоров и пылких признаний. И не бойтесь говорить глупости!

– Я давно уже ничего не боюсь. Кстати, вот здесь, видишь, она честно отвечает, что у нее есть друг. Как быть с этим?

– Друг – это не фигура на шахматной доске, – заявил Дьяков. – Мы съедем его в два счета.

– И еще: анкеты, безусловно, мало. Мне нужно знать об этой Веронике все. Каждую мелочь.

– Конечно!

– Скажи Виталику...

– Ни в коем случае! – подпрыгнул Дьяков. – Никого не впутывать, никого! Только вы и я будем посвящены в детали. Иначе нельзя гарантировать, что не произойдет утечки

информации. Мало ли кто что может сболтнуть. И тогда все наши усилия окажутся напрасными!

– В самом деле, что это я? – расстроился Каретников. – Дурная привычка – доверять подчиненным. Как я мог так расслабиться?

– О Веронике я все выясню сам, – заявил Дьяков. – И о ее дружке тоже.

– И сколько же ждать? Мне не терпится начать немедленно! Какое сегодня число? – Каретников потянулся к ежедневнику. – Боже мой! У нас в запасе меньше месяца!

– Что, собственно, мешает нам прямо сейчас отправиться в этот салон и должным образом обставить первую встречу? Вы будете изображать мужчину, сраженного стрелой Амура, а я вам подыграю. Недостающую информацию доберем по ходу дела.

* * *

Когда Каретников, а следом за ним Дьяков вошли в художественный салон, Вероника обслуживала даму, которая подбирала букетик цветов для летней шляпы. Поэтому она только мельком взглянула на посетителей, предоставив Тине разбираться с ними.

Тина поспешно засунула в рот последний кусок марципана, который тайком пронесла на рабочее место, и вытерла руки о платье. К слову сказать, она была не в настроении

– проспала на работу, поэтому не успела как следует позавтракать. Ее обычное благодушие осталось дома на верхней полке холодильника. По той же причине она не запаслась бутербродами, которые обычно скрашивали ее существование с обеда до ужина.

– Добрый день! – Очутившись внутри салона, Дьяков решил взять инициативу в свои руки, чтобы его босс успел осмотреться. – Где у нас тут очаровательное создание, которое вчера заполняло анкету для участия в конкурсе красоты?

– Это я, – сообщила Тина, позабыв о конспирации. Высунула язык и слизнула марципановые крошки с подбородка.

Крепкая улыбка Дьякова мгновенно размягчилась и поплыла вниз вместе с уголками губ. Каретников замер.

– Хотите сказать, это вы – Вероника Смирнова? – недоверчиво переспросил Дьяков.

– А! Конкурс красоты! – опомнилась Тина. – Это не я, не я! – Она хлопнула себя по лбу и глупо хихикнула: – Все время выдаю желаемое за действительное. Вон кто вам нужен!

Когда Вероника обернулась, босс и его помощник облегченно вздохнули. Да-да, она вполне вписывалась в их план. Вполне. Не просто очаровательная мордашка, состоящая из плавных линий и пустыньких глазок, но девушка с изюминкой.

– Одну минутку, – сказала Вероника с профессиональной галантностью и снова повернулась к клиентке.

В этот момент в зал из-за прилавка выпрыгнул Данилкин.

– Могу я быть вам полезен? – спросил он, сцепив руки перед собой и выжидательно наклонив голову.

– Мы насчет конкурса красоты, – объяснил Дьяков.

– Ваша девушка, – проникновенно сказал Каретников, не сводя восхищенных глаз с Вероники, – невероятно привлекательна. Она вполне может завоевать первый приз.

– О да! – закатил глаза тот. – Я тоже так считаю.

– Нам необходимо задать ей кое-какие вопросы по поводу анкеты, – небрежно заметил Каретников.

– Конечно, конечно, какие проблемы? Правда, сейчас она занята с клиенткой. Пока она не освободилась, разрешите, я покажу вам наши товары, – оживился Данилкин.

Он принялся носиться по магазину, грозя смести все на своем пути.

– Вот эти корзинки с незабудками очень милые, – заметил Дьяков, послушно бегая за ним.

Каретников остался стоять посреди зала, озирая Веронику со всем восторгом, который он только мог изобразить.

– Это к тебе по поводу конкурса красоты, – шепнул Данилкин, подскочив к Веронике, когда клиентка наконец отошла. – Важные люди. Будь с ними полюбезней.

– Добрый вечер, – сдержанно сказала Вероника, стараясь соответствовать избранному имиджу достойной молодой женщины. – Что не так с моей анкетой?

Она метнула взгляд на Тину, которая сделала глаза кружочками и выразительно пожала плечами, подтянув их к са-

мым ушам.

– Все так, не беспокойтесь. Просто... М-м-м... Хотелось бы более пространных ответов на некоторые вопросы. – Дьяков сосредоточенно сдвинул брови, чтобы показать, насколько все серьезно и важно.

– Не согласитесь ли вы с нами поужинать? – в свою очередь спросил Каретников низким, чуть хриплым голосом, который так подходил к его дорогому облику.

Вероника еще ничего не ответила, но Каретников ясно увидел, что в ее глазах копится отказ. Поэтому он поспешил добавить:

– Это вас ровно ни к чему не обязывает. Можно просто выпить по чашке кофе, если вы категорически против ужина. Не здесь же нам разговаривать!

– В самом деле! – поддакнул Данилкин. – Что здесь за разговор? Присесть некуда... Опять же – клиенты... И мы с Тиной будем подслушивать! – Он издал несколько икающих звуков, означавших смех.

Потом незаметно для присутствующих больно ущипнул Веронику за руку.

– Иди, иди, глупая, – прошипел он.

– А вы, собственно... – начала Вероника.

– О господи! – спохватился Каретников. – О чем я только думаю? Забыл себя назвать. Просто голову потерял!

Вероника с некоторым подозрением посмотрела на него. Однако глаза собеседника были чисты и простодушны.

– Матвей Каретников. Мой помощник Дмитрий Дьяков. Как вы, наверное, поняли, это моя фирма «Счастлирое лето» устраивает конкурс красоты. Я – владелец.

– Фирма туристическая? – уточнил любопытный Данилкин.

– Да нет, мы возводим коттеджи, летние резиденции, флигели...

– Дачное строительство, – резюмировал Дьяков.

Вероника замешкалась. Подлая измена Бороздина в один момент сожгла ее любовь и развязала ей руки. Кроме того, этот Каретников ничего себе. И как смотрит! Когда от тебя тащатся с первого взгляда, это приятно, чего уж там говорить.

Толстая Тина неожиданно спросила через голову Дьякова:

– А вы женаты?

Вероника смутилась, Данилкин содрогнулся, но Каретников подарил Тине улыбку и охотно ответил:

– Я в разводе.

Поскольку все молчали, он добавил:

– Ну, так что насчет чашечки кофе?

Данилкин ударил Веронику носком ботинка по пятке.

– Хочешь, я пойду с тобой? – неожиданно предложила Тина, желудком почуяв вкусную еду. – В качестве моральной поддержки?

Вероника окинула Каретникова королевским взглядом и сказала:

– Хочу.

Вместо того чтобы рассердиться, тот усмехнулся:

– Что ж, девушки, прекрасно. Когда заканчивается ваш рабочий день?

Данилкин вытянул шею:

– Считайте, он уже закончился. Можете забирать их обеих.

Каретников, правдоподобно изображая душевный трепет, повел Веронику к автомобилю. Тина пристально посмотрела на замешкавшегося Дьякова. Рядом с ней он выглядел, словно хомяк на фоне раскормленной морской свинки. Однако, к вящему ее изумлению, он ничуть не смутился и галантно подставил локоть.

В ресторан они вошли парами и расположились за круглым столиком в глубокой нише. Естественно, одним кофе дело не ограничилось. Вероника думала, что Каретников, желая произвести впечатление, примется выставлять напоказ купеческую щедрость. Однако тот приятно удивил ее сдержанностью. Примерно через час подружки наелись до отвала и захмелели от шампанского.

– Может, перейдем к делу? – спросила Вероника, ощущая смутное беспокойство.

Еще бы! Все это время новый знакомый смотрел на нее, словно снайпер, готовящийся вскинуть ружье.

– Ваша анкета рассказала мне о многом. Значит, больше всего на свете вы хотите заполучить мужа? – спросил он

вкрадчиво и наклонился поближе к Веронике.

От него пахло чем-то необыкновенно приятным. Несмотря на вечерний час, воротничок его рубашки выглядел хрустящим.

– Я хочу заполучить мужа? – изумленно переспросила Вероника.

– Вы так написали, – мягко заметил Каретников.

Вероника кинула укоризненный взгляд на Тину. Та сконфуженно потупилась.

– Ах да. Мужа. Конечно, – пробормотала Вероника. – Муж – это как раз то, чего мне отчаянно не хватает.

– И при этом вы любите драгоценности?

– Еще бы не любить! – согласилась Вероника, вливая в себя остатки шампанского из бокала. – Сплю и вижу бриллиантовое кольцо.

– В бархатном футляре, – мечтательно добавила Тина, которая беззастенчиво влезала в любые разговоры, которые достигали ее ушей.

– Значит, вам нужен богатый муж, – сделал заключение Каретников. – Такой, как я.

Дьяков под столом наступил ему на ногу и одними губами сказал: «РАНО».

– Думаю, вам не хватает в жизни романтики, – поспешно отступил Каретников. – Путешествий, развлечений, возможности совершать глупости...

– Для того чтобы делать глупости, муж нужен меньше все-

го, – неожиданно подала голос Тина и подмигнула Дьякову, который заворуженно следил за тем, как исчезает в недрах ее большого туловища четвертый кусок торта.

– Нет, как раз романтики просто через край! – заверила Вероника, вспомнив Бороздина и вчерашнюю сцену возле ресторана. – Так что вы там хотели уточнить по поводу конкурса?

– Ну... Хм. Мы просто разговариваем со всеми девушками по очереди, чтобы сразу отсеять тех, кто совершенно точно не пройдет отборочный тур.

– Это каких? – хмуро поинтересовалась Тина, перекинувшаяся, словно всепожирающий огонь, с шоколадного торта на мороженое. – Какие не пройдут отборочный тур?

– Допустим, есть красивые девушки, которые заикаются, – тут же нашелся Дьяков. – Зачем травмировать бедняжек и заставлять их надеяться на победу? Ведь участницы конкурса должны не только хорошо выглядеть, но и проявить находчивость, продемонстрировать красивую речь, высказать замечательные мысли.

– Пожалуй, мне стоит отказаться от чести участвовать в вашем конкурсе, – заявила Вероника слегка заплетающимся языком. – У меня нет ни одной мысли, которую я хотела бы поведать человечеству.

– Вы остроумны, – похвалил Каретников. – Это дорогого стоит.

Вероника поднялась и сообщила, что ей необходимо при-

пудрить нос. Тина в знак солидарности присоединилась к ней, с явной неохотой отложив чайную ложечку.

– Ну как? – с тревогой спросил Каретников, оставшись со своим помощником один на один. – Я веду себя как надо?

– Да, только очень торопитесь.

– Ладно, я учту.

– И когда станете прощаться, не вздумайте приглашать ее на чашечку кофе. Или напрашиваться на чашечку кофе, что одно и то же. Вообще не заговаривайте о следующей встрече. В другой раз появитесь неожиданно.

– С бриллиантовым ожерельем.

– Да рано, я вам говорю! – рассердился Дьяков и, ничуть не смущаясь, гневно посмотрел на своего шефа. – Этой девчонке подавай романтику. Навешать на нее драгоценностей вы еще успеете.

Каретников раздраженно зыркнул на своего помощника, но промолчал.

– Сделайте, как я говорю, – настаивал Дьяков. – Повезете ее домой, не клейтесь. Никакой дешевки.

– А ты что?

– А я возьму машину, отвезу домой эту...

– Твоя галантность не чрезмерна?

– При чем здесь галантность? Я надеюсь кое-что выведать у толстухи. Возможно, ваша Вероника делилась с ней переживаниями и событиями личной жизни.

Вероника действительно делилась. Тем же вечером ковар-

ный Дьяков выудил из сытой Тины все ее девичьи тайны. Краткий отчет о беседе, который он подготовил для шефа вечером, начинался с фамилии Бороздин.

* * *

Остановившись перед квартирой прабабки, Вероника присвистнула. Перед ней была мощная стальная дверь с отпущенным в уголке названием фирмы-производителя. Такая дверь должна казаться ворам особенно привлекательной – она выглядела как обещание того, что за ней спрятаны сокровища Али-Бабы.

Когда Веронике позвонил адвокат и подтвердил, что прабабка хочет ее видеть, она не рискнула отказать. «Маргарита Прохоровна очень больна», – подчеркнул тот. Вероятно, его предупредили, что просто так, на чай, правнучка не заходит.

Последний раз Вероника видела прабабку десять лет назад, сразу после гибели родителей. Та вела себя словно безумная и так орала на Зою, что у Вероники захватывало дух. Больная от горя, она не поняла, с чего вдруг Маргарита Прохоровна так взъелась на свою внучку. Она исторгала из себя проклятия, широко разевая старушечью пасть, начиненную фарфоровыми зубами. И закончила сакраментальным:

– Можешь ни на что не рассчитывать! Ни копейки из моих денег ты никогда не получишь!

С тех самых пор тетка Зоя ни на что и не рассчитывала. Но почему разразился скандал, говорить отказалась наотрез. Устрашенная воспоминаниями, Вероника не отваживалась являться к прабабке одна. Кроме тетки Зои и ее отпрысков, родственников у нее больше не было, а тем вход в пятикомнатный мавзолей в центре Москвы был заказан.

Когда были живы родители, они часто, посмеиваясь, говорили о бабкиных фамильных «брульянтах», которые пережили вместе с ней страшные времена благодаря серии выгодных замужеств. Впрочем, счастья драгоценности не принесли: Маргарита Прохоровна похоронила трех высокопоставленных мужей, а также дочку и внучку, Вероникину мать. Мать с отцом погибли в перевернувшейся машине, и Вероника никак не могла понять, при чем здесь тетка Зоя. Отчего прабабка так орала на нее на похоронах.

Впрочем, была еще одна короткая встреча. Примерно год назад Маргарита Прохоровна без предупреждения нагрянула в крошечную квартирку Вероники, которую та называла ни больше ни меньше – студия. У Бороздина как раз выдалась «партизанская» ночь – его жена отбыла в очередную командировку в Клин. Там она что-то курировала на радость вероломным любовникам. Они уже откупорили бутылку красного вина и зажгли пару свечей, ожививших темные сумерки, как вдруг в квартире раздался звонок.

Звонок был таким длинным и требовательным, что Бороздин едва не хлопнулся в обморок. Ожидая самого худше-

го, Вероника открыла дверь и нос к носу столкнулась с собственной прабабкой, которая стояла на пороге, опираясь на лакированную палку. У нее был вид ведьмы, которую забыли пригласить на праздник в честь рождения принцессы. Поэтому она пришла сама, собираясь пожелать новорожденной какую-нибудь волшебную гадость.

– Ну? Ты меня пригласишь? – резко спросила Маргарита Прохоровна. – Надеюсь, ты меня узнала?

«Тебя, пожалуй, забудешь», – сумрачно подумала Вероника, отступая в сторону. Прабабке перевалило за девяносто, и держать ее на лестнице было неловко.

– Здрась-те! – расшаркался Бороздин, успевший натянуть штаны и накинуть рубаху на гладкое похотливое тело.

Появление прабабки он воспринял с восторгом. Он был до смерти рад, что это не его жена. Маргарита Прохоровна без приглашения прошла к одиноко стоящему у окна стулу и села, сложив руки на набалдашнике палки. Бороздин поспешно задул свечи, и пламя тихо умерло в глубине стаканов.

– Что-нибудь случилось? – нервно спросила Вероника, пытаясь запахнуть халат как можно глубже. Она осталась стоять возле двери, глядя на нежданную гостью в упор.

– А что могло случиться? – сварливо отозвалась прабабка, озираясь по сторонам. – Я не умерла, значит, все в порядке. Просто приехала тебя проведать. В конце концов, ты – моя единственная родственница.

– Как это? – рассердилась Вероника. – А Зоя? И у нее двое мальчиков – Миша и Коля.

– Их я не желаю знать, – отрезала старуха.

– Но почему?!

– А ты будто не знаешь? – Прабабка зыркнула на нее и снова принялась разглядывать развешанные повсюду картины.

– Откуда бы мне знать? Вы ведь ничего не рассказываете! И тетка Зоя тоже.

– Еще бы она тебе рассказала! – фыркнула старуха. – Но я думала, у тебя есть глаза.

– У меня есть глаза, – запальчиво ответила Вероника.

– Вот и разуй их! – грубо сказала Маргарита Прохоровна.

Повисло молчание, и Бороздин, кашлянув, предложил:

– Хотите чаю?

– Да, Маргарита Прохоровна, хотите чаю? – эхом откликнулась Вероника, нахмутив лоб.

– Не хочу. Я просто заехала посмотреть, как живет моя наследница.

– И как? – сделав глуповатую физиономию, спросил Бороздин.

– Она живет в хлеву. Да еще и в грехе. – Старуха проворно поднялась на ноги и в упор посмотрела на Бороздина: – Когда вы женитесь на моей правнучке?

– Э-э... – пробормотал тот. – Женитесь? Я не понял...

– Никогда, – ответила за него Вероника, хотя могла про-

молчать и послушать, как тот вывернется. – Он уже женат.

– Как это вульгарно, – пробормотала старуха и, окинув Бороздина брезгливым взглядом, словно таракана, застуканного в сахарнице, направилась к двери. – Я уйду.

– Вы бы предупредили, что приедете, – пробормотала Вероника.

– Зачем? Чтобы ты заранее заварила чай? – пожала плечами прабабка. – До свидания, Вероника. Приятно было поболтать.

Она вышла и захлопнула за собой дверь с такой силой, что картины на стенах возмущенно вздрогнули.

– Могла бы сказать, что ей нравится твое творчество, – заметил Бороздин, который чувствовал себя не в своей тарелке. Чуть-чуть. Ведь он же не виноват, что уже женат.

– Зачем она вообще приезжала? – пробормотала Вероника, поежившись. – Что за дурацкая инспекция?

Через неделю после прабабкиного визита Вероника позвонила ей, но к телефону подошла сиделка и сказала, что Маргарита Прохоровна отдыхает. Больше не было ни встреч, ни звонков.

И вот теперь Вероника стояла на пороге старухиной квартиры и против воли волновалась. Дверь ей открыла чопорная дама в длинном платье под горлышко с кружевным воротничком. Она тихо поздоровалась и тут же опустила глаза долу. Казалось, она вынырнула прямо из прошлого века и продолжает существовать в этом как ни в чем не бывало.

Квартира оказалась совсем не такой, какой Вероника ее себе представляла. Она думала, что здесь мрачно, темно и сыро, пахнет лекарствами и влажной землей от многочисленных горшков с геранью, заполонивших подоконники. Все было не так. Вероятно, совсем недавно здесь сделали ремонт – специфический строительный дух витал вокруг стен, оклеенных светлыми обоями. Узорный паркет лежал досочка к досочке, с выбеленного потолка хрустальной гроздью свисала итальянская люстра.

– Сюда, – сказала женщина из прошлого века и показала рукой направление.

Вероника шагнула в просторную комнату, где все выглядело дорогим и нарядным. Прабабка сидела в кресле напротив двери. На ней был брючный костюм шоколадного цвета, в вырезе которого мерцали желтые камни. Такие же камни были вделаны в серьги и теперь оттягивали сморщенные мочки ушей.

– Ну, спасибо, что пришла, – ехидно сказала старуха и сцепила скрюченные пальцы в замочек. Пальцы тоже оказались унизаны кольцами с желтыми камнями.

– Мне сказали, вы плохо себя чувствуете, – Вероника изо всех сил старалась не отводить глаз. Однако понимала, что надолго ее не хватит: старуха ей явно не по зубам. – Можно мне сесть?

– Нельзя, – отрезала та. – Нечего тебе рассиживаться. Я позвала тебя только затем, чтобы сказать лично: я все это

оставляю тебе. – Она неопределенно махнула рукой. – И квартиру, и все, что найдется в ней ценного. А здесь есть кое-что, уж поверь мне!

Она довольно квохтнула и снова вперила в правнучку зловещий взор, как будто уже была фамильным привидением и знала, что может испугать наследницу до смерти.

– Спасибо, конечно, – пробормотала Вероника.

Ей хотелось спросить про тетку Зою, но она не рискнула. Вдруг со старухой случится приступ ярости, который повредит ее здоровью?

– Надеюсь, ты больше не встречаешься с *этим*? – Прабабка раздула маленькие круглые ноздри и пошевелила ими, словно почувствовав дурной запах.

Поскольку, кроме Бороздина, она никого не видела, то спрашивать, кого она имеет в виду, не имело смысла. Вероника постаралась ответить сдержанно:

– Мы расстались.

– Я рада, – проскрипела прабабка. – Ты красивая женщина, Вероника. Похожа на меня в молодости. С такой внешностью грех было бы продешевить. За тобой кто-нибудь ухаживает?

Вероника по-прежнему стояла на пороге, и ей невольно хотелось принять позу смирения, какую она заметила у встретившей ее сиделки.

– Да, – неожиданно для себя призналась она. – Матвей Каретников. Мы познакомились недавно, но он, кажется, на-

строен очень серьезно. Ему пятьдесят лет, у него собственная фирма...

– Он что, «новый русский»? – подозрительно спросила старуха. – Вор?

– Он не вор, а созидатель! – вспыхнула Вероника. – Тот, кто не крадет, а строит. И он подарил мне – вот!

Вероника распахнула воротничок блузки и показала ожерелье, которое боялась оставлять дома.

– Главное не то, что он это подарил, – задумчиво пробормотала старуха, щуря выцветший глаз. – Главное то, что ты приняла подарок.

– Мне двадцать восемь лет, – тоном, каким говорят о тяжелой болезни, сообщила правнучка.

– Двадцать восемь! – мечтательно закатила глаза старуха. Потом вернула их назад и посмотрела на Веронику с усмешкой. – А мне девяносто два.

Вероника вспыхнула, а прабабка залилась каркающим смехом. Отсмеявшись, она тяжело задышала и махнула рукой:

– Все. Аудиенция окончена. Я высказала тебе свою волю, можешь быть свободна. Когда умру, тебе сообщат.

– Но, может быть...

– Мне ничего не надо! – важно сказала старуха и даже притопнула ногой: – Проваливай.

Вероника сделала два шага назад, но потом все же решилась и спросила:

– Почему вы так со мной обращаетесь?

– Потому что твоя мать была дура, и ты, ее дочь, судя по всему, такая же дура. Мне это не нравится. Однако выбора у меня нет.

– До свидания, Маргарита Прохоровна, – пробормотала Вероника.

– Прощай.

Выкатившись на улицу, Вероника согнулась пополам, потом разогнулась и громко сказала:

– Фу-у!!

Да уж, это был всем визитам визит. Тетку Зою страшно интересовало, о чем они будут говорить, и она взяла с Вероники слово, что та, как вернется домой, сразу же позвонит.

– О тебе она даже не заикнулась, – сразу же сообщила ей Вероника. – Ни о тебе, ни о мальчиках.

– Вот зараза! – беззлобно заметила та. Веронике даже показалось, что Зоя испытала облегчение.

– Не хочешь сказать, из-за чего вы поругались?

– Из-за ерунды. Даже стыдно вспоминать. Мне правда стыдно, не наезжай, ладно? Вот сама скажи, на нее легко обидеться?

– Более чем.

– Видишь!

– Она в самом деле обещала оставить мне квартиру, – выпалила Вероника. – Со всей обстановкой. Выглядело это... ужасно.

– Почему? Старуха выставила какие-нибудь условия?

– Да нет, просто она сидела в кресле – живехонька-здоровехонька... Сказала, что, когда умрет, мне сообщат.

– Вот ведь карга! – подивилась Зоя. – Всю жизнь боролась за какую-то мифическую честь фамилии, а сама ведет себя, как последняя сволочь. Кстати, – без перехода сказала она. – Мы с Изюмским решили пожениться.

– Ой, – опешила Вероника. – Поздравляю! А когда?

– Ну, он собирается на месячишко отчалить на заработки с какой-то строительной бригадой, заработает денежек, вернется, и сразу под венец. Заявление мы уже подали.

– Зоя, ты счастлива? – спросила Вероника.

– Абсолютно. А что?

Вероника не могла объяснить – что. В последнее время она часто примеривала замужество к себе – Матвей Каретников созрел для брака со скоростью кукурузного початка. Он уже едва не лопался от переполнявших его чувств, и, когда встречался с Вероникой, золотые колечки блистали в его глазах победным блеском. При этом он проявлял странное целомудрие и не заводил отношения дальше страстных поцелуев.

– Сегодня он сделает тебе предложение, – говорила Тина всякий раз, когда автомобиль Каретникова тормозил перед художественным салоном. – Не может же он дарить такие дорогие подарки без задней мысли!

Вероника и сама понимала, что все к этому идет. И не зна-

ла, как поступить. С одной стороны, она принимала подарки – это да. С другой стороны, представить Каретникова в роли спутника жизни?.. Она про него почти ничего не знала. У него должен быть стальной хребет, раз он имеет собственное дело и уверенно держится на плаву.

Однако с ней Каретников был другим – мягким и пушистым. В конце каждого свидания он впадал в дешевую патетику и становился слащавым до отвращения. Вероника убеждала себя, что он свихнулся от любви. И ей, черт побери, было лестно. «Может, это вообще мой последний шанс, – думала она. – Откажу Каретникову и останусь навсегда старой девой».

Старые девы вызывали у нее сложные чувства. Она еще помнила двух своих бабушек со стороны матери, которые всю жизнь прожили в гордом одиночестве. У них были странные представления не только непосредственно о мужчинах, но и о жизни вообще. Из чего можно было сделать вывод, что отсутствие мужа как-то влияет на голову. Веронике совершенно не хотелось страдать закидонами и служить объектом сожаления всех знакомых. Каретников в данном случае казался ей не просто выходом из положения. Он был шикарным выходом. Ей, безусловно, будут завидовать.

Кроме того, Каретников хорошо обеспечен, и, сделавшись мадам Каретниковой, Вероника сможет позабыть о скучной службе в «Бутоньерке» и всецело отдаться живописи. Короче, со всех сторон одни плюсы. «Значит, когда Матвей сдела-

ет предложение, я это предложение сразу же приму, – решила Вероника. – Не забыть, что принять его надо с радостью».

Глава 3

– Что ж, шеф, – сказал Дима Дьяков однажды утром. – Пришла пора делать предложение и знакомить Веронику с мамой.

– С мамой?! – ужаснулся Каретников, глядя на своего помощника дикими глазами. – Но для чего?

– Ах, боже мой, шеф! – всплеснул руками Дима. – Как же без этого? Никто не поверит в серьезность ваших намерений без знакомства невесты с родительницей! Все знают, как вы любите маму.

– Но я не хочу ее расстраивать, – уперся Каретников. – Когда девку убьют, она подумает, что я страдаю, и тоже примется страдать! У нее подскочит давление, а в пожилом возрасте это опасно.

– А мы ей ничего не скажем, – Дима перешел на ласковый тон. – Я имею в виду, что девку убили. Скажем, что вы поссорились и раздумали жениться.

В последнее время Дима Дьяков чувствовал себя Котом в сапогах. Решительный и умный Каретников в деле с собственной женитьбой вел себя в точности как маркиз де Карабас – то есть как дурак. Диме приходилось следить за каждым его шагом, давать рекомендации, вырабатывать стратегию и тактику, направлять, увещевать, льстить, а иной раз и приказывать. Каретников слушался беспрекословно. Из чего

Дима сделал вывод, что он напуган. Вероятно, перекладывая ответственность на своего помощника, он как бы прятал голову в песок.

– Хорошо, – сдался Каретников. – Я сделаю девке предложение и предупрежу маму о скором визите. Кстати, что мне нужно подарить по такому случаю? Тряпок закупил, ожерелье подарил. Может быть, машину? Какую-нибудь дамскую игрушку, а? Это наверняка будет расценено как широкий жест.

– Шеф, она не умеет водить машину. Подарите ей бриллиантовые серьги или брошь. Кстати, можете снять для нее студию, чтобы она малевала там своих уродцев.

Дима сам посоветовал Каретникову приобрести несколько Вероникиных картин и развесить их по дому. Босс, как водится, слегка переборщил, и теперь отвратительные косые рыла, созданные извращенным дамским воображением, висели также в коридорах фирмы «Счастливое лето». Самое удивительное, что все иностранцы, бывавшие в офисе, проявляли к полотнам просто болезненный интерес. «Да, Запад точно катится в пропасть», – думал Дима, с содроганием поглядывая на «Скрипача в лиловом», который, на его взгляд, был похож на расчлененный баклажан, облитый горчицей.

– Надо купить ей белые розы, – вещал Дима, нежно вращая руль автомобиля. – Только-только раскрывшиеся, на длинных стеблях. Велите продавщице не заворачивать их в блестящую бумагу с бантиками. Ваша любимая, чтоб вы зна-

ли, предпочитает получать цветы голыми.

Ценную информацию относительно вкусов и пристрастий Вероники Дима раздобыл у Бороздина. Тот был им тщательно допрошен и уstraшен с помощью большого пугача, который безотказно действовал на воспитанного в страхе обывателя. Теперь никакая сила не могла бы заставить Бороздина подойти к бывшей подружке ближе, чем на пушечный выстрел. Целую неделю после визита Димы Дьякова он вообще не выходил по вечерам из дому, озирался в подъезде и плотно занавешивал окна.

– А где я буду делать предложение? – ворчливо спросил Каретников, влезая в салон с охапкой влажных бутонов. – Прямо в «Бутоньерке»? Меня раздражает этот кузнечик, ее шеф. И жуткая Тина со своей любопытной рожей...

– Конечно, лучше бы сделать предложение руки и сердца при свидетелях, – задумчиво пробормотал Дьяков. – Впрочем, завтра ваша милая все равно развонит всем о потрясающей новости. Ладно, – хлопнул он себя по коленкам. – Везите ее в ресторан.

– Может быть, все-таки домой? – с сомнением спросил Каретников.

– Ни боже мой! – запретил Дима. – Не портите все, что было создано с таким трудом. Когда о вас будут наводить справки, нужно, чтобы сразу стало понятно: Вероника Смирнова – это не очередное легкое увлечение, это очень серьезно. Только тогда можно рассчитывать на успех предприятия.

Они заехали за Вероникой в художественный салон и вырвали ее из рук Тины, которая намеревалась прицепиться к подруге вагончиком и вкусно поужинать.

– Спасибо, – сдавленным голосом сказала Вероника, принимая от Каретникова розы. Розы до странности напоминали ей Бороздина.

Напряженная физиономия Матвея утвердила Веронику в мысли, что дело идет к кульминации. Он то и дело бросал на нее крокодильи взоры, а его помощник Дима Дьяков с делано равнодушной физиономией насвистывал за рулем. «Боже! Боже! – думала Вероника. – Разве не об этом мечтает каждая нормальная женщина?»

Она мечтала не об этом. Ей хотелось влюбиться и потерять голову. Ничего такого к Матвею Каретникову она не испытывала. Однако твердо решила идти до конца. С каждым годом ставки ее будут понижаться, и останется выйти замуж за какого-нибудь Изюмского с бородой лопатой.

В ресторане Каретников повел Веронику к столику, спрятанному в нише, чтобы им никто не мешал разговаривать. Дьяков сначала шел следом, но в самый последний момент нырнул куда-то за колонну и исчез из виду. Усевшись на свое место, Каретников с беспокойством искал его глазами. Пока он делал заказ, его помощник появился в поле зрения и занял соседний столик, усевшись так, чтобы его видел только шеф.

Когда на столе зажгли свечу и Каретников решительно

опустил ладонь на руку Вероники, Дьяков сложил пальцы колечком, показывая, что все тип-топ. Шеф приободрился и, когда принесли вино, полез во внутренний карман пиджака за кольцом. «Сейчас все испортит, – расстроился Дима. – Попросит девку стать его женой и ни словечка не скажет о любви. Ему это просто в голову не придет. Как я забыл его предупредить?!»

Он принялся бурно жестикулировать, чтобы привлечь к себе внимание Каретникова. Тот увидел и приподнял брови. Дима сложил руки крестом, и босс перестал копать в пиджаке. Дима с облегчением кивнул. Каретников поглядел на него угрюмо и одним махом проглотил бокал вина. Потом перевел глаза на Веронику и изобразил на лице кретинскую улыбку.

Официант тем временем принес закуски и принялся расставлять их на скатерти, мельтеша руками с ловкостью фокусника. Каретников высунулся из-за него и вопросительно посмотрел на Дьякова. Тот вытянул шею и одними губами подсказал:

– Объясниться в любви!

Каретников отрицательно мотнул головой, – дескать, не понимаю. Разевая рот, словно спятивший суфлер, Дьяков снова беззвучно выговорил:

– Я те-бя люб-лю!

Каретников раздул ноздри. Дьяков оторвал зад от стула и лег животом на скатерть.

– Я тебя люблю! – громким шепотом сказал он.

В зале появился метрдотель и встал так, чтобы Дима его увидел. Однако тому не было ни до чего дела.

Каретников сидел неподвижно, словно скала, и посматривал исподтишка на своего помощника. Жестом полного отчаяния Дима взъерошил волосы и, выхватив из кармана ручку, быстро нарисовал на салфетке сердце, пронзенное стрелой. Внизу он написал: «Я тебя люблю!» – взволнованными корявыми буквами. Вывесив салфетку перед собой, он напряженно ждал.

Каретников сощурился. «Господи, он же ни черта не видит!» – возопил про себя Дьяков. Очки его шеф не носил, потому что они его якобы старили, а от контактных линз у него воспалялись глаза.

Дима поднялся и решил подойти к столику, чтобы сообщить свою подсказку шефу на ухо, но на его пути вырос метрдотель, неотвратимый, словно Терминатор.

– Господа просили не беспокоить, – негромко сказал он, оттесняя Диму назад.

– Да это я сам велел, чтобы их не беспокоили! – возмутился тот.

– Сядьте, пожалуйста. Сейчас к вам подойдет официант.

Диме ничего не оставалось делать, как вернуться на свое место. Каретников сверлил его глазами. Видно, коробочка с кольцом жгла его карман, он все совал туда руку и ощупывал ее нервными пальцами. Он даже не был способен поддержи-

вать нормальный разговор со своей дамой, которая слушала музыку, рассеянно озирая зал.

– Я тебя люблю! – привстав и сложив руки рупором, снова прошипел Дима в направлении шефа.

Снова непонятно откуда возник метрдотель и закрыл вид.

– Нас всех трогает ваша личная драма, – холодно сообщил он. – Однако я попрошу вас сесть на свое место.

Криво усмехнувшись, Дима плюхнулся на стул.

– Что будем заказывать? – холодно глядя на Диму, спросил подошедший официант.

– Проваливай! – рывкнул тот. – Когда проголодаюсь, позову. Хотя нет, стой!

Он расправил салфетку с сердцем на столе, свернул ее в четыре раза и, сдобрив купюрой, распорядился:

– Отнеси вон за тот столик!

Официант с безмятежной физиономией двинулся в указанном направлении. Поскольку он видел, что на салфетке нарисовано сердце, то, ничтоже сумняшеся, подал записку Веронике.

– Это вам! – сказал он безо всякого выражения.

Дима в это время, метнувшись к барной стойке, опрокинул в себя рюмку водки. Проходя мимо, официант, посланный с поручением, отчитался:

– Записку я отдал. Дама в полной растерянности.

– Какая дама?! – взвился Дима. – Это надо было отдать ее спутнику, ты, болван! Немедленно пойд и все исправь!

Он сунул официанту еще одну купюру, и тот, с жалостью посмотрев на него, поплыл обратно. Между тем, пока Дьяковпил водку, за облюбованный им столик уселся молодой человек в клетчатом пиджаке с шейным платком под рубашкой. Ожидая, пока ему принесут карту, он разглядывал интерьер ресторана, сложив ручки под подбородком.

Пунцовая Вероника между тем комкала салфетку с Димиными художествами и заикающимся голосом расспрашивала Каретникова о том, что лучше заказать из горячего. Ей пришла в голову мысль, что где-то здесь находится Бороздин. Кому бы еще могло прийти в голову передать ей такое?

– Извините, – сказал официант, нависая над Вероникой. – Я ошибся. Это записка для вашего спутника.

Он взял скомканное сердце с припиской «Я тебя люблю!» и передал Каретникову.

– От кого это? – спросил тот, прежде чем развернуть.

– От молодого человека за соседним столиком.

Каретников прочел записку, потом перевел глаза на соседний столик. Вероника повернулась и проследила за его взглядом. Молодой человек в клетчатом пиджаке, заметив интерес к своей персоне, пошевелил бровями и широко улыбнулся.

– О господи! – пробормотала Вероника, потирая виски.

– Какой-то глупый розыгрыш! – пробурчал Каретников и сунул салфетку в карман.

В этот момент в поле его зрения попал Дьяков. Заметив,

что шеф смотрит на него, Дима принялся кривляться перед барной стойкой, вытягивая губы трубочкой и обнимая воображаемую партнершу. При этом он отклячивал зад и делал странные вихляющие телодвижения.

– По-моему, вы не голодны, – сказал метрдотель, подходя к Диме. – В таком настроении вам лучше посетить дискотеку.

– В каком смысле? – не понял тот.

– В том смысле, что вам придется покинуть наш ресторан.

Когда Дьякова выставили на улицу, в кармане его пиджака запищал мобильный телефон.

– Алло! – крикнул он, пытаясь справиться с унижением.

– Что ты все это время пытался мне сказать? – раздался из трубки голос Каретникова.

Дима оторвал телефон от уха и возмущенно поглядел на него.

* * *

– Ты победила на конкурсе красоты? – восхитилась Зоя и приложила руки к груди.

Она была маленькой subtilной женщиной, которая со школы носила одну и ту же непрезентабельную стрижку и не пользовалась косметикой, считая, что никакие штучки-дрючки не сделают из нее Брижит Бардо. Ногти у Зои всегда были коротко острижены и покрыты бесцветным лаком.

Она работала делопроизводителем в большой государственной конторе и считала себя образцом деловитости.

– Еще бы я не победила, – обронила Вероника, протопав на кухню. – Владелец фирмы, которая организовала всю эту байду, только что сделал мне предложение руки и сердца.

– Я за тебя так рада! – умилилась Зоя и даже обняла Веронику. Глаза у нее увлажнились. – И я уверена, что победила ты вполне заслуженно! Таких красивых девушек еще поискать! Значит, ты тоже выходишь замуж? Боря! – неожиданно закричала она. – Иди сюда! Вероника выходит замуж!

Через минуту на кухне появился Изюмский, который пощипал свою ужасную бороду и сказал:

– Здравсьте! Поздравляю вас. Кто же ваш жених?

– Его зовут Матвей Каретников, – ответила Вероника слегка растерянно. Она еще не была готова воспринимать Изюмского как члена семьи.

– Он владеет фирмой, которая строит загородные резиденции, – тотчас же пояснила для него Зоя. – Моей племяннице несказанно повезло. Представляешь, Матвей собирается снять для нее студию. Она будет писать картины, как и мечтала, не думая о хлебе насущном!

Изюмский покосился на Вероникину работу, которая висела тут же, на кухне, и неизменно портила ему аппетит, и с любопытством спросил:

– А куда вы их деваете? Свои картины, я имею в виду?

– Никуда, – удивилась Вероника. – Они все находятся у

меня дома. Ну, за исключением тех, что я подарила друзьям.

– Это только начало! – с воодушевлением заявила Зоя. – Вот погоди, Борис, о ней еще будут писать во всех журналах!

Иллюстрированные журналы всегда были для тетки высшим критерием популярности. Судя по физиономии Изюмского, Зоиной уверенности он явно не разделял. Однако, немного подумав, изрек:

– Да, мальчикам было бы приятно иметь знаменитую тетьку.

Зоя посмотрела на Изюмского с обожанием, и Вероника про себя усмехнулась. Показательная забота о детях была нехитрым приемом, с помощью которого размягчались и более загрубевшие сердца, чем у ее тетки. Изюмский интуитивно выбрал правильный путь и теперь уверенно шел по нему к своей цели.

Судя по всему, он вообще был очень обстоятельным мужчиной. Серьезные карие глаза смотрели на мир со стариковской мудростью. Данью времени был только «конский хвост», обнажавший острые рысьи уши да крошечное серебряное колечко, пронзившее левую мочку.

– Я купила мальчишкам малины, – сказала Вероника, потянувшись к сумке.

– А это правда, что все прабабушкино наследство теперь ваше? – спросил Изюмский.

Вероника разинула рот, а он продолжил:

– Нет, вы не подумайте, будто меня интересуют какие-то

там богатства. Просто Зое обидно. Все-таки она Маргарите Прохоровне родная внучка – дочь ее дочери, не какая-то там седьмая вода на киселе, правда?

– Борис! – ласково одернула его Зоя. – Она не хочет об этом говорить.

– Прабабушка ведь жива! – сердито поглядела на него Вероника. – Мало ли что она там говорит. Может быть, просто хочет наладить отношения и не знает, каким образом это сделать. Она очень своеобразная женщина...

– Да уж, это точно, – покачал головой Изюмский.

– Лично я считаю, что наследство должно делиться между всеми наследниками, – тихо сказала Вероника. – И если прабабушка вдруг действительно... – Она стушевалась и махнула рукой. – Впрочем, не дело сейчас говорить об этом. Лучше расскажите, как дела у Миши и Коли.

– Мы отправили их в спортивный лагерь, – с гордостью сообщила Зоя. – Вот, собираемся поехать их навестить. Я уже печенья испекла, яблок накупила. Теперь еще от тебя малина. Сегодня съездим, потому что завтра Боря уезжает. На заработки, я ведь тебе говорила?

– Детям к осени нужно будет кое-какую одежду купить, – кивнул Изюмский. – Да и у Зои зимнее пальто совсем износилось.

Тетка кивала, глядя на Изюмского с такой гордостью, словно он был ее третьим, самым славным ребенком. Вероника отчетливо представила себе картину: вечер, Изюмский

подклеивает разошедшиеся ящики комода, Зоя починает ему прохудившиеся джинсы, а Миша и Коля прилежно делают уроки – каждый за своим маленьким письменным столом. Тишь да гладь да божья благодать. Почему, интересно, ей, Веронике, простое женское счастье кажется таким непривлекательным? Все удачливые замужние приятельницы рассказывали о своей жизни почти одно и то же. Веронику от их рассказов охватывала страшная тоска. «И куда девается эта чертова любовь, когда мужчина и женщина поселяются на одной жилплощади?» – раздраженно думала она. В ее представлении любовь ассоциировалась с непрекращающимися страстями, выяснением отношений, цветами, поцелуями, а домашний, «умилительный» вариант любви казался слишком пошлым.

– А твой жених повезет тебя куда-нибудь отдыхать? – спросила Зоя и мечтательно добавила: – На Мальдивы или на Борнео? Может быть, в Париж?

– Это потом, после свадьбы, – смутилась Вероника. – Зато я как победительница конкурса красоты на все выходные отправляюсь в дом отдыха «Уютный уголок», в роскошный номер с джакузи и кондиционером.

– Ого! – восхитилась Зоя. – А Матвей тоже поедет?

– Нет, у него дела. Кстати, именно фирма Матвея строила этот «Уютный уголок». Он говорит, там просто потрясающий сервис и масса всяких знаменитостей.

Зоя мгновенно загорелась и потребовала:

– Если увидишь Киркорова – возьми для меня автограф!

* * *

Киркорова в «Уютном уголке» не оказалось, зато Вероника попала на весьма любопытное мероприятие – финал конкурса «Мисс Марпл», который проводился редакцией журнала «Женский досуг». В конце каждого номера журнала в течение нескольких месяцев публиковались логические задачки с детективным сюжетом под интригующими названиями «Смерть хромого логопеда» или «Людоеды никогда не кашляют». Читательницам предлагалось самостоятельно вычислить убийцу и прислать в редакцию правильный ответ. После трех туров были объявлены три победительницы – учительница математики из Химок, экономист НИИ из Москвы и работница химчистки из Тулы. Им и предстояло участвовать в финале конкурса, который решено было провести в доме отдыха «Уютный уголок».

Веронику поселили в одном корпусе с финалистками, работниками редакции и спонсорами мероприятия. Соседство оказалось шумным, но безумно любопытным.

– Конечно, такие финалы были бы нам не по карману, – призналась Веронике главный редактор журнала Нелли Шульговская, с которой они познакомились в столовой, очутившись за одним столиком.

Нелли была примерно того же возраста, что и тетка Зоя,

но в отличие от нее успешная и ухоженная. На реставрацию и отделку собственного фасада она наверняка тратила львиную долю заработанных средств. Вероника успела втайне ей позавидовать. Нелли носила короткие волосы, выкрашенные в ярко-каштановый цвет, и простые изящные платья, на внутренней стороне которых наверняка имелись умопомрачительные бирочки.

– Так вот, я и говорю: какие у редакции деньги? – Нелли лукаво улыбнулась. – Но дело в том, что этот корпус – самый шикарный, с кондиционерами и джакузи – еще в начале строительства выкупила фирма моего мужа.

Муж, Тарас Шульговский, который сидел тут же, ковыряя вилкой летний салатик, вскинул веселые глаза:

– Это оказалось чертовски выгодным вложением капитала! Мы возим сюда своих клиентов, гостей, партнеров, сотрудников и их родственников. Иногда сдаем домик в аренду сторонним людям, иногда им распоряжается дом отдыха. В общем, я очень доволен.

– А что у вас за фирма? – спросила дама, занимавшая четвертый стул за столиком, – одна из тех самых финалисток, экономист какого-то невнятного НИИ по имени Татьяна Семенова.

– Фирма «Супервтор», – охотно ответил Тарас. – Мы перерабатываем вторичное сырье и делаем из него множество потрясающих вещей.

«Еще один создатель!» – с иронией подумала Верони-

ка. Повадками Тарас чем-то напоминал Каретникова, хотя был моложе и держал себя, так скажем, демократичнее. Татьяна Семеновой он явно импонировал. Разговаривая с ним, она постоянно ерзала и поправляла пестрое платье с неровно обшитым воротом. «Наверняка совместное производство Италии с Белоруссией», – с сочувствием подумала Вероника, которая в последние годы просто выбивалась из сил, чтобы пристойно выглядеть.

К цветастому платью Татьяны Семеновой прилагались неодинаковые глаза – один серый, другой зеленый. Она первая разделалась с десертом и, уходя, бросила на Веронику странный разноцветный взгляд. Может быть, ей было неприятно, что та пришла и Тарас Шульговский ею заинтересовался? Потому что до этого его вниманием всецело владела она, Татьяна.

– А почему вы своих финалисток не посадили за один столик? – поинтересовалась Вероника, обозревая большой и гулкой обеденный зал.

– Сначала мы так и сделали, – вздохнула Нелли Шульговская. – Мы ведь приехали утром, еще до завтрака. Но наши дорогие дамы тут же перессорились.

– Это все Букашкина, – хмыкнул Тарас.

– Коровкина, – поправила его жена. – Вон она, Кира Коровкина, через столик от нас. Вон та, в панаме. Лучшая работница своей химчистки.

– Сочувствую остальным работницам, – пробормотал Та-

рас.

– Я уже обратила на нее внимание, – усмехнулась Вероника. – Горничная попросила эту Киру выйти на пять минут, но та заявила, что заработала дорогой номер своим собственным умом и не собирается упускать ни одной минуты пребывания внутри. Она так вопила, что я даже вышла в коридор посмотреть, что случилось.

– Так вот этой Кире, – понизила голос Нелли, попутно промокнув губы салфеткой, – накануне поездки сюда кто-то угрожал. Она решила, что соперницы хотят выдавить ее из соревнования, и ополчилась на них со всею силою своей страстной натуры.

Вероника понимала, что Нелли делится информацией не потому, что неожиданно прониклась к ней симпатией. Для нее и Тараса подобное «светское» перемирование косточек было делом совершенно обыденным. Они просто обсуждали вслух все, что им было интересно, а Вероника просто попала под руку.

– Как это – угрожали? – заинтересовалась она, кинув на Киру Коровкину пыливый взгляд.

– Ну, прежде чем отправиться в дом отдыха, мы собрали всех трех победительниц в редакции. Делали с каждой интервью, фотографировали. Кира приехала первая, прямо с чемоданом. Я повела ее в буфет перекусить с дороги, и свои вещи она оставила в большой комнате, где постоянно толчется народ. Я сейчас тоже там сижу, потому что у меня в ка-

бинете ремонт. Так вот. Когда мы возвратились обратно, две другие финалистки уже были там. А через некоторое время Кира обнаружила в своей сумочке записку: «**Если поедешь в «Уютный уголок» – будешь убита».**

– Вот это да! – расширила глаза Вероника, а Нелли с воодушевлением продолжала:

– Слушайте, она так разоралась! И сразу же решила, что записку подбросил кто-то из соперниц, чтобы испугать ее и не дать ей выиграть телевизор.

– А у вас главный приз – телевизор? – уточнила Вероника.

– Вообще-то это секрет, – хмыкнул Тарас. – Но Кира думает, что именно телевизор. Если она победит, я обязательно куплю ей какой-нибудь подходящий агрегат. Нельзя же разочаровывать читательниц журнала. Я как-никак главный спонсор. Вернее, не я, а «Супервтор».

– Можешь смело говорить – *я, моя фирма*, – насмешливо изогнула бровь Нелли. – Стаса здесь нет, никто тебя не отбреет.

– Стас – это мой партнер, – пояснил Тарас. – И фирма у нас с ним общая.

Шульговский уронил с края чашки каплю, чертыхнулся и, достав из кармана большой красный в белую клетку носовой платок, промокнул им брюки.

– Когда мой муж и его партнер только разворачивались, я эту их фирму называла «Стас энд Тарас», – засмеялась Нелли. – Конечно, если бы все начинать сначала, то пусть был

бы один Тарас.

– Не верю, что это говоришь ты! – хмыкнул ее муж. – Ты же безумно любишь Стаса!

– Люблю, конечно. Тарас, скажи, чтобы мне принесли вина, – попросила Нелли.

– В такое время? – тот бросил взгляд на часы.

– Но мне хочется!

– А вы будете? – спросил Тарас, быстро оглядев Веронику.

На самом доньшке его глаз притаился мужской интерес. Вероника была как-никак победительницей конкурса красоты. Пусть и малюсенького конкурса, но все-таки.

– Вы недорассказали про угрозы, – напомнила она, откашлявшись от вина.

– Ну... Это все! – пожала плечами Нелли. – Никто эту записку всерьез не воспринял. Однако бурная Кира не только настроила против себя остальных двух финалисток, но и ухитрилась сделать так, что они переругались между собой.

– Хорошенькое дело! – хмыкнул Тарас. – Я тут стелюсь для того, чтобы конкурсанткам было комфортно...

– Ты стелешься для того, чтобы было комфортно мне, – похлопала его по плечу Нелли. И добавила для Вероники: – Тарас с самого начала помогает моему журналу выживать.

– Так вот почему вы их рассадили! – пробормотала Вероника. – А Кира после того, как получила записку, не испугалась ехать сюда?

– Конечно, нет. Да всем ясно, что это так – глупый розыг-

рыш! Кому она нужна, Кира из химчистки, верно ведь?

– Ты не права, дорогая, – возразил Тарас. – С таким жутким характером можно нажать себе врагов даже в химчистке. Эта Кира – та еще штучка. Да одна фишка с номером чего стоит!

– С каким номером? – поддержала беседу Вероника.

– Пока я в холле разговаривала с обслуживающим персоналом, – понизила голос Нелли, – она заняла мою комнату. Нарисовала в журнале регистрации свою фамилию синим фломастером и нахально выставила рядом – номер один. Сама выбрала себе номер, ни у кого не спросила – куда ее собираются поселить... А я всегда останавливаюсь в первом номере. Мне нравится вид из окна и вообще... Я люблю традиции. Еле-еле вдвоем с горничной упростили эту Киру переместиться в комнату под номером три. Она сама тащила свой чемодан. Сообщила, что все самое ценное хранит именно в чемодане. Ей сказали, будто в Москве сумочки вырывают прямо из рук. Специально для такого случая она носит в кармашке сумочки китайский сувенир – резиновую фигу. И рубль мелочью. Теперь она у меня за стеной.

– За стеной? – удивилась Вероника. – Ах, да! Нечетные по правую руку, четные – по левую. Значит, я прямо напротив вас – во втором номере.

– Все комнаты одинаково хороши! – заверил Тарас, со странной тревогой наблюдая за тем, как его жена поглощает вино.

– Дорогой, ты останешься на ночь? – спросила та.

– Не могу, ты ведь знаешь, у меня сегодня деловая вечеринка.

– Пусть туда Стас пойдет.

– Он ходил на прошлой неделе.

Тарас улыбнулся Веронике, как бы показывая жене, что они не одни и не стоит наезжать друг на друга в присутствии посторонних.

– Ну, ладно, ладно, – тотчас же сдалась она. – Ты уезжаешь прямо сейчас?

– Да, дорогая, проводи меня.

Тарас поднялся и пожелал Веронике приятного уик-энда. Взбив ложечкой десерт, она смотрела, как он идет к выходу, придерживая жену за талию. У него было привлекательное лицо с умными синими глазами, но фигура не бог весть что. Вероятно, осанку и крепкие мускулы «съела» кабинетная работа. Даже под роскошным костюмом Тарас Шульговский казался каким-то дряблым.

Однако это нисколько не отвращало от его персоны женский пол. Вероника смогла в этом убедиться, как только прикончила сладкое и отправилась в свой корпус. В холле на диванчике она обнаружила ту самую Киру Коровкину, которой какой-то недоброжелатель сильно не советовал ехать в «Уютный уголок». Рядом с ней сидела третья финалистка конкурса «Мисс Марпл» Инна Головатова, учитель математики из химкинской школы. Нелли мимоходом показала ее

Веронике, но в столовой та не смогла Инну толком рассмотреть.

Вероятно, недавние антагонистки как-то примирились друг с другом. Вероника остановилась возле столика со свежими газетами и журналами и услышала, как Кира Коровкина говорит:

– Ты видела, какие у Шульговского ботинки? Такие ботинки мог купить себе только законченный эгоист и себялюбец!

Кира выглядела не меньше чем на тридцать, и у нее был такой воинственный вид, словно она всю жизнь сражается с врагами и в любую минуту готова дать отпор любому из них. Женщины с такими лицами спускаются в кратеры вулканов, изучают африканские болезни и раскапывают пески в поисках древних горшков. Впрочем, иногда они застревают среди обычных людей, делая их жизнь совершенно невыносимой. У нее были глубоко посаженные серые глазки с рыжеватыми ресничками, нос картошкой, крупные медные веснушки, обсыпавшие переносицу, и маленький, упрямо сжатый рот, открывающийся только для того, чтобы настоять на своем.

– Человек, имеющий собственное дело, может позволить себе выпендриться, – со знанием дела заявила Инна Головатова.

Внешность этой дамы строго соответствовала профессии. Учительница математики была невысокая, тощая, с короткими черными волосами, завитыми в тугие колечки, с узким

ядовито-красным ртом и в квадратных очках. На плечах у нее висел неопределенного покроя серый пиджак без опознавательных знаков. Лет ей было примерно сорок – сорок пять, если смотреть издали. При ближайшем рассмотрении вполне можно было скостить десятку. А может быть, прибавить.

Впрочем, Вероника не собиралась ни с кем здесь сблизиться. Матвей Каретников отправил ее в «Уютный уголок» для того, чтобы она отдохнула и развлеклась, и она как раз собиралась этим заняться.

В доме отдыха наличествовала библиотека, где Вероника рассчитывала найти какую-нибудь легкую книжку и забраться с ней в теплую булькающую ванну. Райское блаженство! Проходя мимо стоянки машин, она увидела чету Шульговских, которые что-то обсуждали, остановившись возле серебристого автомобиля. Вероника непроизвольно взглянула на ботинки Тараса. Ботиночки действительно были отпадные: комбинированная кожа трех цветов – от песочного до шоколадного, наборный каблук и надменные узкие носы. «Наши бабы все замечают, – усмехнулась про себя она. – У каждой прямо глаз-алмаз. Даже обувь спонсора не пропустили!»

Библиотекарша всучила ей затрепанный и оплаканный любовный роман, присовокупив к нему личный восторженный отзыв.

– Бессонную ночь гарантирую! – с маниакальной улыбкой

пообещала она. – Там такие зубодробительные чувства – за-качаешься!

Вероника усмехнулась. Она порой почитывала любовные романы, но никогда ни один из них не доводил ее до слез. Однако на этот раз ей попалась действительно стоящая вещь – с характерными героями и интригующим сюжетом. Библиотекарша не обманула. Шел уже третий час ночи, а Вероника вертелась в постели, глотая абзац за абзацем. В одном особенно душераздирающем месте она положила книжку на грудь и закрыла глаза. Две соленых слезы выкатились из-под ресниц на щеки, немного задержались там и стекли вниз, оставляя за собой извилистые дорожки.

«Неужто такая любовь и вправду бывает? – подумала Вероника и хлопнула носом. – Может быть, она обязательно должна случиться в жизни каждой женщины, только не всем хватает выдержки ее дождаться?» Вероника отбросила книжку и села в постели. Что, если ей не выходить замуж за Матвея Каретникова? Подумаешь – двадцать восемь лет! Может, у нее еще все впереди? А Бороздин и Каретников – всего лишь ступени на пути к настоящему роману? Их просто надо перешагнуть.

Вероника принялась метаться по номеру и крутить кольцо на безымянном пальце. Его подарил Матвей. «Надо выйти на воздух, прогуляться и успокоиться», – в конце концов решила Вероника. Скинула халат, надела тренировочный костюм и выскользнула в коридор. Он был тускло освещен.

щен двумя лампочками. Еще две такие же разливали жидкий грязно-желтый свет в холле, который находился справа от ее номера. Очутившись в коридоре, Вероника сразу услышала шаги и увидела тень, которая мазнула по ковру. Потом кто-то завоzilся возле входной двери.

Она сделала шаг вперед и, прижавшись к косяку, выглянула в холл. Из корпуса выходил человек, которого Вероника ни разу прежде не встречала. Вид у него был совершенно жуткий. Сразу же поражал абсолютно голый череп, похожий на черепашую голову, и цвет лица – мучнисто-серый с зеленоватым отливом. Поперек горла, выглядывающего из свободного ворота рубашки, шел фиолетовый шрам. Внутри костюма гулял воздух, словно он был надет на бесплотное привидение.

Вероника потрясла головой, и в тот же миг дверь тихо закрылась, плотоядно шелкнув замком. Тогда она стремглав бросилась следом за ужасным человеком и через несколько секунд очутилась под козырьком, нависавшим над входом в корпус. Здесь тоже торчала слабая лампочка, которая освещала только коврик возле двери. Дальше лежала плотная темнота, которая, по всей видимости, поглотила незнакомца безвозвратно. «Ну и черт с ним! – подумала Вероника. – У меня своих переживаний выше крыши, буду я беспокоиться о каком-то жутком типе».

Вероника тоже врзалась в темень, раздираемая жалостью к себе. Бедная она, бедная! Ну ничего-то у нее в жизни не

выходит так, как хочется! Мечтала стать художницей – фиг тебе. Мечтала о необыкновенной любви – связалась с женатым Бороздиным. А теперь вот собирается замуж по расчету. Конечно, по расчету, зачем обманывать себя саму? Матвей Каретников со всех точек зрения завидный муж, но... Но она его не любит.

Вероника брела по территории дома отдыха, подчиняясь собственной интуиции. По бокам темнели остовы двух больших каменных корпусов, значит, дорожка должна идти прямо посередине.

– И не приедет рыцарь на белом коне, чтобы спасти меня! – пробормотала Вероника и заплакала в голос: – Ы-ы-ы!

И в этот самый момент из черноты впереди нее донеслось шуршание, и что-то большое, темное, металлическое налетело на Веронику, ударило и отбросило в сторону. Она вскрикнула и со всего маху упала на асфальт. И сразу почувствовала, что прикусила язык, потому что рот быстро наполнился соленой кровью.

– О, черт! – выругался где-то над ней мужской голос. – Вы где? Вы целы?

Чья-то жесткая рука легла Веронике на макушку.

– Что это было? – дрожащим голосом спросила она.

– Это был мой велосипед, – раздраженно ответил человек-невидимка и, неловко обхватив Веронику, потащил ее вверх.

Она покачнулась и непроизвольно схватилась двумя ру-

ками за его одежду, – может быть, это был пиджак, может, куртка. Но тут же резкая боль пронзила ее большой палец. Вероника ахнула и отдернула руки.

И в тот же миг мужчина исчез. Где-то в отдалении громыхнул его велосипед, зашелестели шины – и все. Тишина и темнота. Продолжая рыдать – теперь уже от боли, – Вероника побрела обратно, ориентируясь на далекую лампочку над дверью своего корпуса. Дверь была закрыта на кодовый замок, но Вероника отлично помнила комбинацию цифр, поэтому быстро проскользнула внутрь.

На большом пальце обнаружилась маленькая ранка, как будто она укололась булавкой. Ранка была глубокой и саднила. Вероника удержалась от желания засунуть палец в рот и побежала в номер, чтобы прижечь ее йодом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.